
DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01

УДК 327

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЕВРАЗИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ: ПЕРВЫЕ КОНТУРЫ

АВАТКОВ Владимир Алексеевич

доктор политических наук, доцент, заведующий Отделом
Ближнего и Постсоветского Востока Института научной
информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

SPIN-код: 7909-2304

ORCID: 0000-0002-6345-3782

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич

кандидат политических наук, профессор Института медиа
Факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ.

E-mail: devstafiev@hse.ru

SPIN-код: 8135-4366

ORCID: 0000-0002-6276-0342

Для цитирования: *Аватков В.А., Евстафьев Д.Г.* Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1(1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01

Аннотация. В статье рассматривается воздействие фактора идентичности на политические, социально-экономические и культурно-исторические процессы на пространстве Постсоветской Евразии. Приводится авторская классификация и оценка крупнейших трансформирующихся геополитических узлов Евразийской подсистемы. Сделан вывод о неизбежности формирования новой экономической географии Постсоветской Евразии, в связи с чем предложено три варианта альтернативных моделей переконфигурирования. Предложено авторское видение роли, места и ключевых задач России в Евразийской геоэкономической модели. Определены основные факторы сохранения Постсоветской Евразии как потенциального геоэкономического макрорегиона.

Ключевые слова: Россия, Постсоветская Евразия, интеграция, геоэкономические узлы, деструкция пространства, консолидация пространства.

Post-Soviet Eurasia in Global Geoeconomic Regionalization: First Outlines

Vladimir A. AVATKOV

DSc in Political Science, Associate Professor, Head of Department of Middle and Post-Soviet East of Institute for Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences (INION).

E-mail: v.avatkov@gmail.com

SPIN-код: 7909-2304

ORCID: 0000-0002-6345-3782

Dmitry G. EVSTAFIEV

PhD in Political Science, professor at the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: devstafiev@hse.ru

SPIN-код: 8135-4366

ORCID: 0000-0002-6276-0342

For citation: Avatkov V.A., Evstafiev D.G. (2023). Post-Soviet Eurasia in Global Geoeconomic Regionalization: First Outlines. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1(1), pp. 7–19. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01

Abstract. The article examines the impact of identity factors on political, socio-economic, and cultural-historical processes in the Eurasian space. The author provides a classification and evaluation of the largest transforming geopolitical nodes of the Eurasian subsystem. The conclusion is drawn about the inevitability of forming a new economic geography of Eurasia, for which three alternative models of reconfiguration are proposed. The author's vision of Russia's role, place, and key tasks in the Eurasian geo-economic model is presented. The main factors for preserving Eurasia as a potential geo-economic macro-region are identified.

Keywords: Russia, Eurasia, integration, geo-economic nodes, destruction of space, consolidation of space.

На политические и экономические процессы в пространстве Постсоветской Евразии воздействуют два важнейших фактора. Во-первых, это нарастающая внутренняя многовекторность разви-

тия, приводящая к утрате не только драйверов региональной интеграции, но и макроэкономических стимулов к ней. Главными стимулами продолжения интеграционных процессов становятся остаточные связи на уровне конкретных хозяйствующих субъектов или систем экономических интересов. При сохранении текущей динамики ситуация будет усугубляться по мере нарастания признаков глобальной стагнации. *Во-вторых*, это внешние, «внеевразийские» геоэкономические процессы, связанные с формированием новой системы регионализированных центров экономического роста и конкуренцией ключевых государств мира за возможность влиять на них.

В результате наложения данных факторов возникает специфическое «противоречие темпов развития» разнородных геополитических и геоэкономических процессов.

С одной стороны, наблюдается, особенно в контексте специальной военной операции России на Украине, акцентированная краткосрочность целей и планов политических и экономических элит государств региона, а также их уязвимость для внешних манипуляций. Это обстоятельство, возможно, уже оказало негативное воздействие на большинство, если не на все институты, созданные для согласования интересов постсоветских государств. Более того, все больше признаков указывает на то, что и цели внешних игроков становятся прежде всего краткосрочными и ориентированными не на создание (оформление) перспективных тенденций в развитии и институционального обеспечения. Исключение пока составляет Турция, но и в данном случае превалируют кратко-, максимум среднесрочные цели, институционально «упакованные» в концепцию «хаба», хотя этот подход и не затрагивает напрямую вопрос об идентичностях¹.

С другой стороны, тенденции трансформации социально-экономического и культурно-исторического (цивилизационного) пространства вокруг Постсоветской Евразии носят долгосрочный характер, но идут сравнительно медленно, что создает эффект более яркого проявления в современном государственном и меж-

¹ Аватков В.А. Турецкая идеология «хаба» // Восточный альманах. – 2021. – С. 8–13.

дународном управлении тенденций краткосрочности – «политической суеты».

Тем не менее, с учетом особенностей развития ситуации внутри самой Постсоветской Евразии, следует также предположить, что в экономической сфере, не исключено также, что в ряде случаев и в военно-политической области, формирование узлов консолидации вокруг Постсоветской Евразии будет опережать указанные внутренние процессы. Это означает, что на определенный, сравнительно длительный период времени главными факторами сохранения интегрированности Постсоветской Евразии будут являться культурно-исторические и социально-экономические факторы, что в конечном счете возвращает к вопросу о роли идентичности, точнее, идентичностей, в политических процессах.

С учетом вышесказанного можно сформулировать три базовые констатации.

1. Логика разрыва целостности Евразийского экономического пространства, которая в настоящее время является доминирующей для большинства внешних сил, означает не только деиндустриализацию Евразии, что уже происходит достаточно активно, но и социально-экономическую деградацию с возникновением анклавных зон реиндустриализации, возможно, экстерриториального характера.

Это возможно только при условии запуска на пространстве Постсоветской Евразии нового инвестиционного цикла, принципиально меняющего не столько технологические, сколько организационно-экономические цепочки в соответствии с новой экономической географией континента. Простое восстановление «советских» экономических цепочек невозможно и нецелесообразно. Необходимо действовать вне сложившейся в советское время схемы промышленной урбанизации, которая в настоящее время деградировала и представляет собой классическую инвестиционную «черную дыру».

2. Интеграционный импульс, обновляющий процессы Евразийского развития, может быть только комплексным, т.е. включать в себя не только торгово-финансовую, но и социально-экономическую модернизацию, которая создала бы условия хотя бы для частичного восстановления пространств индустриального модерна и соответствующей системы социальных связей.

Это означает не только необходимость декларирования некоей системы ценностей, приемлемой для Постсоветской Евразии в целом или как минимум для большинства общественных (этноконфессиональных) систем на ее пространстве, но и конкуренции с другими подобными ценностными системами, активно проникавшими в Евразию, в особенности на протяжении последних 15 лет.

3. «Встроенной» проблемой является преодоление негативных аспектов «советского» социально-экономического наследия, приведшего к возникновению вокруг промышленных центров советского времени территорий социальной «деструкции» (например, вокруг Аральского моря или в ряде регионов Прикаспийского региона). Однако данная проблема вынуждает вновь возвращаться к вопросу о социальной и социокультурной составляющей Евразийской интеграции и социально-экономической модернизации.

Следует отметить, что Постсоветский Запад (пытающийся принять черты Запада) как подсистема международных отношений в целом не сложился, в то время как Постсоветский Восток (аналогичным образом стремящийся перенять черты Востока), который включает в том числе пространство Постсоветской Евразии, имеет все перспективы успешного оформления, при условии, что ключевые заинтересованные игроки (в частности Российская Федерация) будут заниматься ее конструированием².

В целом же можно констатировать, что пространство Постсоветской Евразии в большей, нежели многие другие регионы, степени демонстрирует пример комплексной социально-политической и идеологической гибридности³, формирующей сложные узлы противоречий, которые невозможно разрешить в рамках какого-то одного «отраслевого» подхода, но которые тем не менее проявляются пространственно.

Изложенное выше позволяет вывести следующую гипотезу: Постсоветская Евразия на сегодняшний момент является простран-

² Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия Восток – Запад. Идеино-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.

³ Евстафьев Д.Г. Глобальные геоэкономические трансформации и Евразия: риски и задачи для России // Казанский экономический вестник. – 2021. – № 2 (52). – С. 33–44.

ством, удерживающим трансформации (фазу распада) как минимум в четырех крупнейших геоэкономических узлах.

● **Новая Восточная Европа**, которая формируется вокруг геоэкономического проекта «Междуморье» и политического концепта «оси» Лондон – Вильнюс – Киев – Бухарест, для реализации которых принципиальным условием является полное устранение российского влияния и присутствия в западной оконечности Евразии и Прибалтике. Речь, несомненно, идет о сдерживании глубокого преимущественно геоэкономического переформатирования региона, утратившего потенциал самостоятельного экономического развития, но вполне пригодного к использованию в качестве инструмента военно-силового давления на Россию и некоего геоэкономического буфера.

● **Новое Причерноморье**, в котором принципиальным вопросом является выбор вектора геоэкономической ориентации: **западного**, в качестве «южного фронта» НАТО и южной оконечности геоэкономического пространства «Междуморье», или **южного**, в направлении Турции, что предполагает формирование принципиально различных систем экономических связей, как следствие, при определенных условиях, и принципиально различных моделей построения социальных идентичностей.

● **Новый Ближний и Постсоветский Восток**, который не является полноценным макроэкономическим регионом без интеграции в него Средней Азии, в настоящее время сохраняющей, несмотря на все изменения последних лет, вовлеченность в обще-евразийские экономические и логистические цепочки. Этот геоэкономический узел имеет объективно наибольший потенциал с точки зрения глобально значимых геоэкономических трансформаций, но также и с точки зрения формирования новых идентичностей первично в социально-экономической сфере, а в дальнейшем и культурно-исторического (цивилизационного) поведенческого типа. Концептуально следующий узел (Новый Южный Кавказ) может рассматриваться как отдельно, так и в качестве составного элемента Постсоветской составляющей Нового Ближнего и Постсоветского Востока. Данное пространство еще не выбрало собственный путь и вектор, но и за него выбор также еще не был сделан.

● **Новый Южный Кавказ**, развитие которого сдерживается перспективами Евразийского, по сути, проекта Большого Прикаспия. Фактически Большой Прикаспий становится одним из наиболее ощутимых сдерживающих факторов развития концепта туркоцентричного «тюркского» мира (проекта туркоцентричной интеграции)⁴, прямо направленного на отрыв Кавказа и не только Южного, а также ряда других регионов от Постсоветской Евразии. Важность этого потенциального макрорегиона определяется тем, что именно на этом направлении накоплен наиболее масштабный потенциал пространственных трансформаций, включая и изменение конфигурации политических границ.

Помимо этого, возникают неясности в плане стратегического планирования относительно формата реализации китайского проекта «Великого шелкового пути», который в современной ситуации может рассматриваться преимущественно как интегрирующий различные макрорегионы, а не как самодостаточная система. И это требует совершенно иных механизмов вписывания в контекст условий, причем не только чисто организационных, но и политико-силовых. В частности, неизбежна новая актуализация вопроса об экстерриториальности логистических коридоров и обеспечивающей инфраструктуры, что означает совершенно иные принципы переконфигурирования пространства, в том числе и с точки зрения вопросов, связанных с национально-государственным суверенитетом.

Логично предположить, что новая геоэкономическая конфигурация мира, которая неизбежно станет результатом глобальных трансформаций⁵, в той или иной степени с учетом, естественно, определенных «трансформационных фильтров», связанных, в том числе, и с вопросом об идентичностях, приведет к возникновению новой этнополитической географии. Принципиальным вопросом в процессе консолидации Евразийского пространства станет вопрос о реальном воплощении культурно-исторических идентичностей и традиционных социально-экономических связей. Говоря иначе,

⁴ Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. – 2018. – № 2. – С. 11–25. – DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.26047.

⁵ Ергин Д. Новая карта мира: энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2021. – 444 с.

новая экономическая география Евразии сформируется, рано или поздно, при большинстве сценариев развития ситуации. Но ключевым вопросом будет, сможет ли Россия занять лидирующую позицию в данных процессах или как минимум обеспечить здесь реализацию собственных национально-государственных интересов.

Реализация альтернатив: деструкция против консолидации с издержками

Вариантов сохранения интегрированности пространства без издержек, вероятнее всего, на сегодняшний день не существует. Вопрос управления переформатированием – не только вопрос управления доступными России ресурсами, но и минимизация издержек плюс управление последствиями процесса. Фактически на стратегическом уровне возникает три варианта альтернативных моделей переконфигурирования, непосредственно затрагивающих Евразию.

- **Большой Ближний Восток / Новый Ближний и Постсоветский Восток / Шиитский мир (альтернатива № 1).** Наиболее опасной для целостности Постсоветской Евразии является модель переформатирования в рамках западных геополитических моделей, например Большого Ближнего Востока, который практически исключает возможность сохранения целостности Евразии и в геоэкономическом, и в политическом плане. Восточная модель Шиитского мира представляется менее опасной, поскольку она интегрирована тем или иным образом в Постсоветскую Евразию. Вместе с тем России необходимо формировать собственные концепты, отвечающие стратегическим интересам и видению мира, и на их основе создать модели переконфигурирования Евразии, например, через Новый Ближний и Постсоветский Восток. Тем не менее основой переформатирования по всем трем данным моделям будет являться неизбежное формирование принципиально новой идентичности или идентичностей.

- **Туркоцентричный «тюрокский» мир / Большой Прикаспий / Новые рахдониты (альтернатива № 2).** В данной цепочке альтернатив основой, безусловно, будет формирование первичного геоэкономического фокуса консолидации. Но важным моментом в данном случае является изначальное возникновение

противоречий между концептами, в которых фактор идентичности играет исключительно большую роль (например, концепции туркоцентричного «тюркского» мира, причем в данном случае речь может в определенный момент пойти о формировании – при условии возникновения постэрдогановской⁶ ситуации – запроса на конструирование новой «неотурецкой» идентичности), и концептами, в принципе построенными на разрушении существующих в осваиваемом пространстве идентичностей.

• **«Великий шелковый путь 3.0–3.1.» / Коридор «Север – Юг» / Большой Персидский залив (альтернатива № 3).** В представленной группе альтернатив речь идет о выборе между концептами, из которых два связаны с сегментацией пространства и один – с интеграцией. При этом последний оставляет существенное пространство для восстановления как минимум геоэкономической, а при определенных условиях – и социокультурной интегрированности пространства. В двух других моделях сохранение интегрированности Евразийского пространства маловероятно, и еще более маловероятным видится формирование новой Евразийской идентичности.

Исходя из представленных выше параметров можно сформулировать следующие принципиальные выводы.

• Для всех крупных, глобально значимых макрорегионов Постсоветская Евразия находится на глубокой периферии.

• Никаких признаков готовности включить страны Постсоветской Евразии в состав макрорегионов целиком нет ни в одном из формирующихся макрорегионов.

• Целостность стран Постсоветской Евразии может быть сохранена только в условиях возвращения Евразии целостности и ее реиндустриализации.

• Ключевым фактором интереса внешних сил являются ресурсы и логистика.

• Критичным является формирование фокуса экономического роста в Прикаспии. Это наиболее перспективный фокус качественного и глобально значимого экономического роста.

⁶ Вероятно, в том или ином виде, подход Р.Т. Эрдогана по формированию концепций идентичностей продолжит существовать даже после ухода нынешнего (по состоянию на середину апреля 2023 г.) президента Турецкой Республики со своего поста.

* * *

Россия для Постсоветской Евразии – одновременно финансово-инвестиционное ядро, донор безопасности в широком понимании, центр технологических стандартов, модель развития политической системы и системы обратной связи с обществом, а также источник новых социокультурных парадигм. При этом если мы сами не создаем новую эстетику для России и Постсоветской Евразии, то ее создают за нас и против нас. Все процессы, как созидательные, так и деструктивные, завязаны на Россию и ее внешне-политический вектор, в особенности в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами СНГ, с учетом собственных национальных интересов и стратегических задач⁷.

Ключевая задача для современной России безотносительно Евразии заключается в следующем.

1. Создание транспортного хаба с собственными логистическими инструментами. В этом случае реализация большинства «южных маршрутов» «Великого шелкового пути» становится все более и более затруднительной.

2. Социально-экономическая и институциональная модернизация самой России.

Критическими факторами для решения указанных задач являются:

- резкое повышение уровня социальной связности регионов России;
- окончательная национализация финансовой системы. Создание новых инвестиционных инструментов;
- рывок в развитии традиционных культур России в современной трактовке;
- традиционалистская антиархаика – новая социальная мобильность в России также подразумевает формирование некоей новой социальной, а в перспективе – социокультурной идентичности, которая уже в среднесрочной перспективе создаст эффект конкуренции в социальном пространстве с социальной моделью

⁷ Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. – 2019. – № 4. – С. 1–12. – DOI: 25136/2409–8671.2019.4.31235.

«обыватель», под которую выстраивалась концепция «стабильности» и кредитного процветания.

Подводя итоги, можно также сформулировать следующие важные составляющие сохранения потенциала Постсоветской Евразии.

Во-первых, определяющим моментом, касающимся будущего Постсоветской Евразии как потенциального геоэкономического макрорегиона, является необходимость избежать превращения этих территорий в «инвестиционные пылесосы», что в среднесрочной перспективе почти автоматически означает ускорение социальной деградации и нарастание перспектив реализации в Постсоветской Евразии, прежде всего, в Постсоветской Средней Азии, сценария «арабской весны» с формированием дестабилизирующих миграционно-криминальных потоков в направлении России. Это акцентирует возникновение не только для России, но и для других приграничных с Постсоветской Евразией государств, крайне специфической дилеммы: либо запуск в том или ином формате процессов реиндустриализации социально-экономического пространства и восстановления, хотя и постепенного, социальных и социокультурных идентичностей, связанных с индустриальным модерном или пред-постмодерном. Либо поиск форматов «огораживания» от формирующегося на данном направлении «дикого поля» с превращением архаики номадного типа, воспроизводящей модель «трофейной экономики».

При этом данные форматы не просто включают, но и прямо предполагают интегрирование части пространств в собственные суверенные инвестиционно-экономические пространства и запуск процессов целевого переконструирования традиционных идентичностей. Ибо формирующаяся на данном направлении архаика будет постоянно воспроизводить деструктивные для России (еще и находящейся в состоянии относительного социально-идейного вакуума) модели социального поведения, не говоря уже о неизбежном формировании социально архаических этнорелигиозных анклавов не только в мегаполисах, но и на приграничных территориях.

Второй составляющей сохранения потенциала Постсоветской Евразии как основы макрорегиона является формирование сквозной системы логистики, действующей в пространстве Евразии.

зии, исключая возможность возникновения внешней (привнесенной) экстерриториальности.

Наконец, третьим условием сохранения геоэкономического потенциала Евразии станет способность России к достижению консенсуса интересов с другими странами Постсоветской Евразии (прежде всего со странами – членами ЕАЭС) и трансформации своей новой энергетической стратегии в интегрирующую основу будущей единой энергетической политики⁸, поскольку удержание консолидированной энергетической базы как по отношению к внутриевразийскому развитию, так и в отношениях с внешним миром, является критическим условием для сохранения интегрированности пространства Постсоветской Евразии. В данном случае именно Россия будет играть ведущую роль, выступит консолидирующим ядром и станет центром притяжения как самобытное государство-цивилизация, имеющее особое положение в мире⁹.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // *Мировая политика*. – 2019. – № 4. – С. 1–12. – DOI: 25136/2409-8671.2019.4.31235.
2. Аватков В.А. Турецкая идеология «хаба» // *Восточный альманах*. – 2021. – С. 8–13.
3. Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации // *Мировая политика*. – 2018. – № 2. – С. 11–25. – DOI: 10.25136/2409-8671.2018.2.26047.
4. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия Восток – Запад. Идеино-ценностное измерение мировой политики // *Свободная мысль*. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.

⁸ Задача интеграции российской энергетической стратегии с политикой других стран ЕАЭС заложена в новой Доктрине энергетической безопасности, подписанной в 2019 году Президентом России В.В. Путиным. См.: Сможет ли новая доктрина ускорить создание общего энергорынка в ЕАЭС // *Sputnik Казахстан*. – 17.05.2019. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20190517/energiya-rynok-EAES-10173964.html> (дата обращения: 30.03.2023).

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // *МИД России*. – 31.03.2023. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 01.04.2023).

5. Евстафьев Д.Г. Глобальные геоэкономические трансформации и Евразия: риски и задачи для России // Казанский экономический вестник. – 2021. – № 2 (52). – С. 33–44.
6. Ергин Д. Новая карта мира: энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2021. – 444 с.
7. Задача интеграции российской энергетической стратегии с политикой других стран ЕАЭС заложена в новой Доктрине энергетической безопасности, подписанной в 2019 году Президентом России В.В. Путиным. См.: Сможет ли новая доктрина ускорить создание общего энергорынка в ЕАЭС // Sputnik Казахстан. – 17.05.2019. – URL: <https://ru.sputnik.kz/20190517/energiya-gynok-EAES-10173964.html> (дата обращения: 30.03.2023).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. – 31.03.2023. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 01.04.2023).